

Михаил КУРАЕВ

ПРОДАЕТСЯ УСАДЬБА. НЕДОРОГО!

Лично я исландского консула не знал. И много о нем сказать не могу.

Худой, высокий, на норвежского пастыря похож, но консул.

Исландский.

И вкус у него был. Был вкус.

И природу любил.

Исландская, говорят, суровая и, надо думать, ему поднадоела, вот и выбрал он место для своей усадьбы, не так чтобы вдали от Санкт-тогда-еще-Петербурга, в чисто русском стиле: лес, река, тишина...

Разве что паровик просвистит.

А паровик — это же удобство, нет нужды держать здесь конюшню и лошадей. А до станции десять минут прогулочным шагом. А у станции — дансинг, он же театр на полторы сотни мест, две церкви: кирха и православная часовня во имя Св. Ольги — и, натурально, ресторация, но в немецком духе. Однако, сойдя с поезда, в качестве прелюдии к отдыху консул шел в буфетную Слепакова, сооружение, прямо скажем, сказочное.

Образец кружевного деревянного зодчества.

Если бы у Бабы Яги был вкус и склонность к готике и модерну в русском стиле, для своего обитания строгая дама не могла бы пожелать ничего лучше. А все изящное смягчает характер. Но это так, к слову.

Четыре ската крыши причудливы, сложены они на манер бумажных треугольных птиц, пикирующих к земле. Огромные круглые окна посреди трех стен в бревенчатом обрамлении гармошкой, вроде головной накладки у фараонов. Резные деревянные вензеля по коньку четырехгранной крыши, чем-то напоминающей шапочку ксендзов, правда, украшенной посерединке флагштоком. Богатый резной декор по окнам...

Словом — русский дух и Русью пахнет.

Здесь-то в семидесяти шагах от станции консул и предпочитал принять пару рюмок анисовой с расстегайчиком, чисто в русском духе, после чего неспешно, раскланиваясь с соседями, шел к реке, к себе в усадьбу...

Эта ли размеренная походка, исполненная достоинства, могла навести на мысль о бегстве, а ведь сюда консул бежал. Нарочно выбрал место, где не обитала знать. Поближе к третьему сословию, живущему своей жизнью без особенных претензий. Бежал в тишину и патриархальность. И семья из трех девочек, жены и свояченицы тоже нашла прибежище в своих маленьких комнатах, похожих на каюты.

Лучшего места и не найти, и не придумать для вкушения жизни сосредоточенной, вдумчивой, далекой от житейской мишуры — с одной стороны, да и дурмана повседневно-

Михаил Николаевич Кураев родился в 1939 году. Окончил театроведческий факультет ЛГТИ им. А. Островского. С 1961-го по 1988 год работал в сценарном отделе киностудии «Ленфильм». Автор 20 книг прозы. Произведения переведены на 12 языков. Лауреат Государственной премии Российской Федерации 1998 года. Живет в Санкт-Петербурге.

ности — с другой. А может быть, он поселился здесь, испытывая надобность освежиться другими физиономиями и горизонтами. Такое случается с людьми, остро чувствующими свое окружение.

Можно считать, что люди делятся на две совершенно неравные части. Одни, их меньшинство, те, кто подстегивает историю, гонит ее в хвост и в гриву, как правило, не зная куда. Другие, их абсолютное большинство, это те, кого история волочит, не спрашивая, хотят они этого или нет, но в том же направлении, то есть неведомо куда.

Консул по должности был ближе к первым, то есть к погонялам, но сознавал себя человеком весьма ограниченных возможностей и понимал, что принадлежит как раз к покорному большинству. И равным самому себе он чувствовал себя только наедине с природой. И потому вид с балкона, обширного, как веранда, даже с покатою крышей, вид на реку, беззвучно несущую свои воды, был для него самым лучшим собеседником в размышлениях о его собственной быстро текущей к закату жизни.

Именно здесь, над рекой, он предавался мыслям, каких не допускал себе ни на службе, ни в общении даже с людьми близкими.

«Господь лучше нас знает, как устроить этот мир, но почему же так много в этом мире того, что никак не может быть поименовано благодатью? Неужели в самом замысле есть изъян? Возможно ли такое? А каково назначение этого замысла? А что если наша земная жизнь лишь черновик, набросок, отринутый и забытый? Но зачем же эта жизнь продолжается? Почему же Господь не положил конец всему? Это было бы великодушно... Бросает же художник в корзину неудавшийся эскиз? Больше того, у русских один из самых известных писателей посчитал свой роман неудавшимся и сжег его. В сущности, логично».

Размышляя над рекой, ему иногда казалось, что эти мысли приносит и уносит именно река.

Река не широкая, но и не узкая. Даже остров посреди речки, вытянутый вдоль изрядной старицы. Остров, естественно, заливной, там великолепный покос. Трава чуть не в пояс. А уж когда сенокос, утопает дача в таком аромате свежескошенной травы, что в голове легкое и приятное головокружение, куда там анисовой...

А остров — это же еще и уединение. Сел в ялик, десять сильных гребков, и ты — Робинзон Крузо! При этом полная гарантия, что ни следов людоедов, ни следов какого иного безобразия на острове нет.

Тогда не было, когда исландский консул землю у реки купил и за девять месяцев построил дачу напротив острова.

Остров небольшой, так что косари на нем и шалаш не ставили. За день выкашивают, переходят речку, закатав порты, вброд повыше по течению и уходят с песней, удерживая на плечах свои литовки.

За рекой чудный лес и никаких строений. А переправиться на тот берег на ялике семь минут, ну, десять. Надо все-таки остров обогнуть.

Лес добрый. Щедрый. Тут тебе и ельничек с боровиками, крепенькими, как детский кулачок. А в светлых березнячках подосиновики в красных шапках, словно игрушечные начальники станции. О маслятах, осенних опятах, рыжиках в молодых сосняках не говорю, поскольку неизвестно, брал грибы сам исландский консул или только по тому берегу прогуливался, а грибы ему приносили в готовом виде. А что прогуливался — факт, тропинки там неведомо кем и когда натоптаны вдоль реки, место обжитое.

Дача построена на чуть возвышенном берегу, чтобы в половодье не подтапливало. Разумно. Речка вроде и невеликая, а весной не море, конечно, но разливается и поднимается аж метра на два.

Усадьба невелика, полторы тысячи саженей.

По нынешним меркам чуть больше тридцати соток.

Когда от Санкт-Петербурга протянули к этим местам железнодорожную ветку, селиться здесь стали по большей части служилые люди из немцев, шведов, вот, похоже, и исландец не случайно здесь оказался. И кирха тоже не случайно. И дачи здесь строились, скажем так, с немецко-норвежско-датским акцентом: башенки с острыми шпилями, балконы с опорой на деревянные же колонны, окна с цветными витражами и совершеннейший минимум вспомогательных построек.

Сохранилось предание, о том, что у него даже мебель была старая, красивая, в стиле жакоб.

Прачечная, сарай и небольшая конюшня размещены были в глубине и поближе к границам участка...

Фасад, естественно, был обращен к реке.

По виду своему не только дачи, но и дворовые службы выглядели так, словно были срисованы с иллюстраций к Кнуту Гамсуну, Генриху Ибсену и Гансу Христиану Андерсену. Впрочем, смотрите картинки к сказкам братьев Гримм, и все поймете.

Но, как говорится, лучше один раз увидеть.

Усадьба продается. Недорого. Без обременения.

Из каких рук, в какие руки она переходила после Октябрьской революции, в сущности, значения не имеет.

Адрес поменялся существенно. Улица с непроглядным названием Кирилловская, шедшая от станции к реке, стала имени Юного Пролетария.

Совсем другое дело!

И не случайно.

Менялась идеология здешних мест. Медленно, но верно территория разворачивалась лицом к юному поколению граждан новой России.

Но не сразу.

Говорят, первым после отъезда консула здесь поселился ответственный секретарь уездного РКИ. Пошел на повышение. Перевели в Усольск. Уехал. Тут же въехал с молодой женой и тремя ее детьми от первого брака заведующий организационно-инструкторским отделом укома.

Не прижился.

Дача пошла к комсоставу. Но и комбриг прожил здесь всего ничего. Он в свое время брал Перекоп, а пришел час, и его взяли прямо на даче. И хотя из городской квартиры до внутренней тюрьмы на Литейном было значительно ближе, но сочли за благо, чтобы не бросалось в глаза, взять на даче и взяли. Из города и обратно в город ехали дачным поездом. Работы было и по городу невпроворот, транспорта не хватало, особенно для таких поездок на дачу. Комбриг в военной форме с малиновым ромбом в петлице, а сопровождающие в штатском. Трое. Два сержанта и младший лейтенант. В пиджаках, чуть топорщащихся сзади.

На дачу комбриг уже не вернулся.

Во время войны в этом благодатном месте стояли румынские части. Надо думать, они оценили немецкий акцент в этом поселении, а ко всему немецкому были воспитаны в глубочайшем почтении, тем более что офицерами-то в румынских частях были немцы. Не очень-то, надо думать, доверяли немецко-фашистские захватчики своим румынским по гроб жизни союзникам. А когда им всем вместе на ум пришла благая мысль уносить отсюда ноги подобра-поздорову, оккупанты, простоявшие здесь чуть не три года, по общему согласию ничего не пожгли, не порушили. То ли спешили

очень, то ли собирались еще раз сюда вернуться... Как говорится, расстались холодно, но учтиво.

Дача после войны уцелела. Даже цветные витражи поверху широких окон сохранились. И башенка не пострадала, и балкон. А кусты неперменной сирени, жимолости, бульдонежа, белопенными пышными бутонами цветущего уже в конце весны, только разрослись, добавив усадьбе немножко романтичности и даже загадочности. Уцелели неведомо как даже ирисы, лиловые ирисы, горделивой стройностью своих высоких стеблей напоминавшие первого хозяина, а сапфировой синевой цветов глаза его хозяйки.

За полвека светлые бревна, из которых была построена дача, даже прямоугольные столбы, подпиравшие балкон, побурели, что послужило к негласному именованию места «Рыжая дача». Со временем бурого цвета стены почернели, а старое название как прижилось, так и осталось — «рыжая» и «рыжая», никто и не спрашивал почему.

Сначала дача числилась за облоно и служила местом уединенного отдыха для сотрудников и сотрудниц среднего разбора многочисленных подразделений отдела образования. Ни «база отдыха», ни тем более «дом отдыха», просто приезжали и отдыхали. Так и числилась — дача облоно.

Обилие небольших комнат в расчете на одного-двух обитателей, гостиная с видом на реку и просторный, как веранда, балкон делали эту скрытую от лишних глаз обитель для сотрудников облоно очень привлекательной.

Солнце садилось за рекой, и эти томительные протяжные закаты делали недолгий сумрак летних ночей долгожданным временем исполнения желаний.

Но дом ветшал и с каждым годом требовал все больше средств для поддержания его в пригодном для уединенного романтического отдыха сотрудников и сотрудниц. Сразу за оградой со стороны ручья, отделявшего территорию от соседей, росла груда пустой посуды. Приемного пункта стеклотары в обозримых пределах не было, а если бы и был, не с руки работникам как-никак просвещения, народного образования стоять в очереди и сдавать стеклотару. Что люди подумают!

Дача ветшала, а репутация, негромкая, но прочная слава ее росла и крепла среди работников среднего и нижнего звена облоно.

И год от года росла сумма средств, потребных для сохранения и поддержания в рабочем состоянии этой обители тихих радостей, какие несут невинные нарушения скучных прописных правил нравственности.

И хотя младшие сотрудники сметного отдела и бухгалтерии облоно пользовались гостеприимством этого замка любви, начальство, игнорируя глухой ропот масс, взвесив и посчитав, приняло необратимое решение: «от этой рухляди избавиться».

Продали по остаточной цене. Недорого. С баланса списали.

Нет, что ни говори, но было, было в этой дачи что-то почти загадочное.

Хотя люди уединения, тишины, чтобы не видеть и не слышать, как можно дольше не знать, что творится на белом свете, так нет, почему-то обещавшая желанное забвение обитель только заманивала, влюбляла в себя множеством своих явных и не сразу открывшихся достоинств, после чего, словно в насмешку, выбрасывала едва расслабившихся обитателей в историческую повседневность.

Глаза б ее не видели!

Приумножил загадочность и неведомый хозяин, обретший эту усадьбу в начале 70-х годов минувшего столетия. Он воздвиг у себя на участке прямо у спуска к реке, словно не доверял бревенчатому укрытию, некое двухэтажное строение типа прямоугольной сторожевой башни метров шесть высотой. Формой своей эта красного кирпича башня походила на скит под стенами Ново-Иерусалимского монастыря, где обитал

покинувший Москву в споре с царем непреклонный патриарх Никон. У Никона наверху, кто видел, помнит, была устроена площадка, с которой он смотрел на дорогу, идущую из Воскресенска, в ожидании гонца от царя, в надежде, что тот образумится и позовет его обратно на покинутый патриарший престол. Понятно, для чего эта дозорная площадка у Никона. Для чего построил свой кирпичный острог, да еще и в окружении высоченных непроглядных елей, неведомый владелец «Рыжей дачи» и как его звали, сказать невозможно. Обозревать же с этой шестиметровой высоты можно было только излучину реки и верхний по течению край острова, да чуть проглядывал противоположный лесистый берег, если смотреть вправо.

Ну, построил и построил, были деньги, был кирпич, была охота сказать свое слово в загородном устройении, и сказал.

Каждый человек — загадка, кто знает, уж не хотел ли этот владелец усадьбы принять светскую схиму? При больших монастырях, бывает, устраивают и скиты, вот и кирпичная башня в нижнем углу усадьбы могла бы сойти за скит.

Трудно сказать, да и спросить уже некого, ради чего строилась эта кирпичная башня, но скорее всего, в чаянии тишины, радости и надежды.

Зачем было приобретать эту дачу, не имея ни художественного такта, ни тени эстетических потребностей?

Новый хозяин хотел, надо думать, вдохнуть новую жизнь в старую усадьбу, но дыхания не хватило.

Вот так, бездыханно, простояла «Рыжая дача» с кирпичной башней еще два года, пока шло следствие, а потом и процесс, на котором хозяин обвинялся по четырем статьям Уголовного кодекса. На суде даже фигурировал кирпич, предназначенный для строительства бани в пионерском лагере трампарка им. Коняшина. Из приговора кирпич был исключен, поскольку адвокат подсудимого сумела предоставить суду акт о списании именно вменяемого обвиняемому количества кирпича, пришедшего в негодность от транспортировки и ненадлежащей загрузки и разгрузки, за каковые подсудимый ответственности не нес.

Деньги, большие деньги и еще раз деньги были жизненно необходимы как на этот акт, так и на ряд аналогичных, позволивших адвокату скостить три года от восьми лет, что требовал прокурор, ослепленный ненавистью к деловым людям, нетерпеливо ждавшим своего часа.

А за свободу всегда приходилось платить, так что усадьбе пришлось искать нового хозяина.

Поскольку эти двадцать с лишним соток и строения на них были дальновидно записаны на сестру жены, под конфискацию этот райский уголок не попадал.

Продали быстро, но недорого. Покупатель нашелся прямо на суде. Проходивший свидетелем заведующий каменотесной мастерской одного из популярных и обширных ленинградских кладбищ дал подсудимому понять и был подсудимым понят правильно.

Усадьба обрела нового хозяина уже в конце 80-х годов.

Обычно новые хозяева меняют идеологию своего приобретения. Но здесь чувствовалась какая-то близость, может быть, даже духовное единство старого хозяина и нового в желании противостоять угрозам жизни, безоглядно несущейся в свое неразличимое, как всегда, будущее.

Башня не уберегла прежнего хозяина от жизненных стихий, новый решил начать с ограды.

Сетка рабица? Профильные листы? Четырехметровый забор из трехдюймового шпунта, как в Жуковке, как на Рублевке?

Нет и еще раз нет!

Камень!

Тот самый камень, что не был востребован клиентурой заведующего кладбищенской мастерской, камазовские самосвалы возили и сваливали в монбланы тесанных с одной стороны и местами полированных каменных глыб самой неожиданной конфигурации. Темпераментные южные рабочие, уже начавшие искать счастье под северными небесами, трудились не покладая рук.

Жили тут же в привезенных для этого двух строительных балках. Тут же ловили в речке рыбу и ели.

На дачу, ожидавшую решительного ремонта, а то и входившей в моду реставрации, их не пускали.

Дачные окрестности зажили большой стройкой.

На всю дачную округу грохотала бетономешалка. За версту, а может быть и не одну, был слышен изумительный визг камнерезных пил.

Автокран, натужно напрягая свой стосильный мотор, разносил железной рукой каменные глыбы к местам их последнего на этот раз упокоения.

Казавшееся раньше невыносимым завывание электрорубанков, электро- и бензиновых газонокосилок, циркульных пил не шло ни в какое сравнение с оглушительным голосом новой стройки.

Не обошлось и без ошибки. Стена, та, что шла вдоль реки, совершенно нечаянно отхватила половину луговинки, этакий травянистый пляж с пологим входом в воду.

Излюбленное место купания трудящихся сжалось, как шагреновая кожа. Та тоже уменьшалась, когда исполнялось чье-то заветное желание.

Не знаю, как быстро строилась знаменитая Берлинская стена, но та, что вокруг «Рыжей дачи», росла на глазах.

И все желали стройке успеха. И никто не порывался судиться за оттяпанную территорию отдыха, поскольку все знали, как долго такие тяжбы длятся, сколько они стоят и чем кончаются.

Смотрели на стройку обреченно молча.

Тишина на даче — не последнее дело.

А терпением наш народ изумлял и продолжает изумлять разные иные народы.

Стены выросли, как по щучьему велению, а на ворота это щучье веление, надо думать, уже не простиралось. Так и стоял меж незыблемых стен чуть не в метр толщевой проем для въезда и выезда транспорта любых габаритов.

Кстати, щуки в реке и по сей день не перевелись.

Не перевелись они в семейной жизни.

Между хозяином поистине крепостной стены, воздвигнутой вокруг уже на ладан дышащей дачи исландского консула, и его женой, по сведениям, распространенным в очередях в магазине у платформы и непосредственно в электричке, вспыхнула война не на жизнь, а на смерть. Одни говорили — ревность, другие — жадность, третьи спешили насладиться тишиной, справедливо предполагая, что возведением стены дело не кончится.

Так оно и случилось.

Жена, которую никто не видел, завела *дело* на своего супруга, не желая смотреть сквозь пальцы, как он распорядился глыбо-каменным материалом, с одной стороны полированным, с другой стороны якобы украденным. Да, именно это пыталась доказать кристаллической честности женщина, не простившая мужу третьей за пять лет совместной жизни супружеской неверности.

В самом начале 90-х еще не было принято неписаного закона: что с государственного вазу упало или спихнули, то может быть приватизировано. Еще по старинке

могли спросить: откуда это у вас? где взяли? покажите оправдательные документы? назовите сообщников? кто определил цену? фамилия? должность?

Вот и воспользовалась эта большой гражданской честности женщина несовершеннолетством еще не переписанного законодательства, и представьте себе: и мужа посадила, и усадьбу за собой сохранила.

В окрестностях с тревогой ждали оживления стройки, не дождались.

Хозяйка так и не появилась. А на даче вполне легально поселился сторож Дима. Да, да, тот самый, что инициативно и денежно распродал все, что можно было утащить с брошенных на произвол судьбы пионерских лагерей и детских садов, расплодившихся за каких-то семьдесят лет по окрестностям в невероятном количестве. Но ушли наконец в невозвратное прошлое времена, когда наш герой-летчик возглашал на всю Америку: «В нашей стране только один привилегированный класс — дети!» Привилегии по праву и без лишних сантиментов перешли к возрождающемуся классу собственников!

В новые времена лучшие предприятия обрели настоящих хозяев, а те с полным основанием сбросили со своего баланса все эти детские садики, пионерские лагеря, дома отдыха и профилактории как пережитки проклятого прошлого.

Только и уцелели два пионерлагеря: консервативного Метростроя и верной своему наименованию Октябрьской дороги — остальные стали добычей бомжей и предпринимателей первой ступени, тех, кто поднимает своими руками то, что плохо лежит или за чем плохо смотрят.

Приехал Дима сторожить «Рыжую дачу» на велосипеде, через год Дмитрий уже ездил на «Жигулях» второй модели, а еще через два года Дмитрий Евгеньевич в ранге посредника во многих поселковых делах ездил на «тойоте-королле» с прицепом.

Время шло. «Рыжая дача» ветшала. Еще можно было продать, но недорого. А вот цены на землю, на территорию у речки да рядом с заливным лугом стали год от года расти.

Дачники и их гости, проходившие вдоль крепостных стен на остатки пляжа, в большинстве своем не задумывались о том общем, что объединяло двух последних хозяев черного памятника минувших времен.

А ведь это общее было и даже бросалось в глаза.

Башня. Башня — это символ независимости от внешнего напора жизни. Это уединение! У кого «башня из слоновой кости», у кого из кирпича, не ставшего баней в пионерлагере трампарка им. Коняшина, какая разница!?

А неприступная крепостная стена?

Да — материал разный, а идеология-то одна!

Уйти. Отгородиться. Стать недосягаемым для окружающих.

И только когда появился последний по времени хозяин и снес, стер с карты поселка этот призрак прошлого, просто уничтожил, все стало ясно любому, кто был способен раскинуть мозгами на уцелевшем остатке пляжа.

Но не сразу.

Конечно, проще всего этот приют исландского консула, простоявший на благословенной земле ровно сто лет, проще всего было бы сжечь. Дешевле, чем ломать, вывозить, платить и за разборку, и за транспорт, и за место на свалке. Но вскоре все, кто шел купаться или возвращался после купания, видели воочию: у нового хозяина денежных проблем нет.

Наконец-то людям, не стесненным в средствах, не нужно было прятаться!

Работа кипела. Грохнулась, как апчхи, не оправдавшая надежд кирпичная башня.

Рушились бревенчатые стены, столько повидавшие на своем веку.

В мусор обратились и витражи, и разные резные штучки.

Отжили.

На свалку!

На расчищенном от памятника минувшей эпохе месте с надлежащим рыком и скрежетом заработал экскаватор. Один за другим на территорию усадьбы, ставшей вновь стройплощадкой, двинулись большегрузные самосвалы КамАЗ. Место для ворот в крепостной стене позволяло легко пройти и экскаватору, и огромным самосвалам, открывавшим, а пока еще только отрывавшим новую страницу в истории романтической усадьбы.

На месте завидного изящества деревянной дачи возник котлован.

Если бы в эту ямищу с отвесными стенами, выверенными лазерной рулеткой и несущими на себе следы зубьев полуторакубового ковша, поместить дачку исландского консула, над краем котлована, надо думать, торчала бы только башенка со шпилем.

Теперь за дело взялись бетонщики.

Новый хозяин, которого никто не видел, располагал не только неограниченными средствами для реализации своей затеи, но и временем, как и все, живущие во имя будущего!

За один сезон старье убрали, подготовили площадку.

Второй сезон — работы по котловану.

Третий сезон — работы в котловане.

Бетонные работы.

Отсутствие ворот позволяло обывателям хотя бы частично удовлетворить свою любознательность.

На выложенном по дну котлована сплошном фундаменте стали вырастать бетонные этажи. За сезон их воздвигли ровно два, может быть, два с половиной. Весь замысел многоэтажной подземной части со множеством помещений, разумеется, с улицы не просматривался.

За один сезон подземная часть будущего, скорее всего, дворца вышла на нулевую отметку, то есть стала вровень с землей.

Для обеспечения сохранности бетонного подземелья осенью был сооружен многослойный настил, защищавший от влаги, снега и любых погодных катаклизмов. Ну, и от бомжей, конечно.

И вот — новый сезон!

Чем порадует землю новый хозяин, столь решительно освободивший ее от изжившей себя и ни на что не пригодной рухляди!

Надо сказать, что сегодня, когда коттеджи растут как грибы, да еще какие грибы, удивить публику трудно.

Давно ли мы восхищались полуторазэтажным домом, отделанным светлым сайдингом, на месте снесенной дачи детского сада табачной фабрики им. Урицкого. Капитан дальнего плавания обнес территорию ажурной металлической решеткой, чтобы публика могла любоваться легким, не без изящества сооружением, а хозяин мог в свою очередь любоваться восхищенной публикой.

Давно ли мы радовались, глядя на подворье, воздвигнутое генералом незримых войск, обеспечивающих нашу безопасность. Дом — игрушка, отделан итальянской плиткой под светлый камень так же, как и ограда! Но это уже на месте пионерлагеря табачной фабрики им. Клары Цеткин.

Что уж говорить о дворце в стиле Растрелли с золоченым куполом домашней церкви, попавшем на страницы газеты «Аргументы и факты», предоставившей читателю снимки загородных усадеб нынешних баловней судьбы.

Ждем. Уж наш-то в грязь лицом не ударит.

Тишина.

Весна проходит, никаких за каменной стеной шевелений.

Лето наступает. Наступает все сильней и сильней, уже совсем наступило, уже готовится отступить, а за стеной и в бетонном подземелье — тихо.

И вот в этой тишине пополз слух. Сначала, как водится, решили, что что-то такое постигло или настигло хозяина. Оказалось и того хуже.

Так хотелось уйти, спрятаться, если в башне нельзя, за каменной стеной невозможно, так хоть спастись под землей от мирской долуки, тем более что возможности были неограниченные!

Здесь-то и поджидала беда.

Нижний уровень котлована оказался ниже уровня реки, до которой рукой подать.

Пока строили, ничего такого не предполагали. Года не прошло, и на тебе!

Фундамент и сверх него еще с метр первого подземного этажа затопило водой, не грунтовой, а как раз речной.

Стихия!

На каменной стене вывешен пятиметровой длины на непромокаемой материи несмываемой краской транспарант, то есть публичное объявление:

«ПРОДАЕТСЯ. НЕДОРОГО».

Хотелось бы человеку помочь, потратился человек, но адрес заманчивой покупки указать нельзя, всевидящее око непременно усмотрит в такой продиктованной исключительно добротой душевной услуге скрытую рекламу.

А то, пожалуй, и не скрытую. И привлекут.

У нас с этим строго. Такие времена... Никуда не скроешься.

Да в конце-то концов, не сошелся свет клином на этой «Рыжей даче», которой уже и нет!

Сойдите с электрички и пройдите там же по проспекту Дзержинского, бывший Графа Мавроса.

Увидите объявления, продиктованные разными обстоятельствами, кто под следствием, кто сидит, кто в бегах, кто нашел что получше, одни в Швейцарии, другие на Кипре, кто победней — в Финляндии, а объявления стандартные: «Продается. Недорого».

Что-нибудь подберете.